

СУЩНОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Гусев Е.А..

В обширном наследии И.А. Ильина, православного философа, теоретика государственности, правоведа, есть блестящие труды по эстетико-культурологической проблематике.

Исследуя феномен культуры, мыслитель утверждает, что она творится не сознанием, не рассудком и произволом, а *целостным длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа*. Подлинная культура начинается там, где духовное содержание ищет совершенную форму. Она есть явление внутреннее и органичное, захватывающее самую глубину человеческой души.

Культурное творчество вырастает из любви и веры, которые составляют суть христианства. Вся история христианства есть единый и великий поиск культуры. Человек обретает дар свободного творчества тогда, когда он, благодатно соединившись с Богом, научившись созерцать сердцем, преодолевает соблазн рассудочного формализма.

В каком состоянии оказалась европейская культура к концу девятнадцатого века? В состоянии кризиса; корни его – в утрате христианских идеалов.

Культура Европы – это уже по существу светская секуляризованная культура: светская наука, светское искусство, светское правосознание, светски осмысливаемое хозяйство, светское восприятие мира и объяснение мироздания.

Успехи науки и техники (электричество, химия, машины, телеграф, железные дороги, авиация) вызывают к жизни новые общественные явления – капиталистическую промышленность, пролетаризацию масс, революционные движения. Все это, вместе взятое, коренным образом меняет строй души человека, его вкусы и потребности, ведет к отказу от вечных истин христианства.

Результат этих процессов – религиозно мертвеющий человек, умственно и нравственно вырождающийся. Человечество идет к невиданному еще в истории культурному кризису¹.

Утратили ли актуальность размышления ученого о сути современной цивилизации?

Российские политики постоянно пользуются этим термином в последние полтора – два десятилетия, то призывая нас в

цивилизированный «европейский дом», то убеждая в «необходимости единения со всем цивилизованным миром».

Отличие цивилизации от культуры, указывает И.А. Ильин, в том, что она может усваиваться внешне и поверхностно, *не требуя всей полноты душевного участия*. Народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, политика и хозяйство) переживать эпоху упадка. И, напротив, народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, промышленная техника) являть собою картину отсталости.²

И.А. Ильин ставит вопрос о сущности русской культуры и ее месте в культурной истории человечества. Итогом размышлений над ним явилась работа «Сущность и своеобразие русской культуры».³

Каковы методологические выверенные и подлинно научные основания, с позиции которых И.А. Ильин осуществляет анализ русской культуры как воплощение творческого дара народа? Вот главные из них:

- цельное созерцание культуры и ее феноменов, недопустимость фрагментарного, мертвого, формального подхода к предмету исследования;
- изучение, описание любого явления культуры как индивидуального, неповторимого и только после этого определение его места в общем потоке культуры;
- выявление в культуре народа ее самобытности, своеобразия как самого значительного, ценного для культуры всего человечества;
- учет контекста исторического времени, взаимосвязи изучаемого явления с историей народа, его правосознанием, способом хозяйствования, характером народа;
- исследователь не достигнет цели, если будет «изобличать» ошибки и грехи народа, судить о нем поверхностно, на основе «последних известий». Верный путь к истинному пониманию культуры - путь любви к своему народу, сопричастность к его страданиям, исторической судьбе.

Своеобразие русской культуры, по И.А. Ильину, заключается в свободном созерцании сердцем. Культуротворческий акт русской души есть *сердечное видение и религиозно-совестливый порыв*. Каковы же питающие его источники?

Во-первых, русское пространство, которое влечет душу к свободному созерцанию, снимает с нее напряжение. Русская природа с ее просторами и ширью стояла у колыбели культуры и художества.

Во-вторых, пылкая, эмоциональная славяно-русская душа, с сильным внутренним зарядом и миролюбиво-добродушно-созерцательным настроением на гармонию во всех ее видах от песни до танца, от орнамента до архитектуры.

В-третьих, исторически сложившееся многообразие этносов, которому суждено было впоследствии слиться в прочное единство. *Это единство во множественности и множественность в единстве* придает русской культуре органическую целостность.

В-четвертых, христианская религия в ее греко-православном своеобразии. Без идеи христианского очищения и христианского культа, указывает И. Ильин, русскую культуру не понять никогда.

Выбранная свободно, она приобщала русского человека к самому важному источнику жизни и творчества – любви. Любовь к Богу учила воспринимать мир со всеми его тяготами и трудностями. Дело православного верующего – не мироотреченность, но свободный творческий труд по преобразованию себя и мира в свете лучей божественного совершенства.

Отечественная культура никогда не станет ни теократичной, ни клерикальной, ибо *свет христианства падает на каждый миг земных трудов человека*, побуждая к обретению покоя и радости в повседневном творчестве в науке, искусстве, политике (в свете этих размышлений ученого становятся более зримыми наши духовные утраты послеоктябрьского периода, когда официальной идеологией вера олицетворялась с мраком, невежеством, реакцией, варварством).

Из живого и свободного созерцания сердцем, из совестного акта ведет русская культура поиск прекрасного. *Искусство для русского человека – не просто украшение, не рассудочная мысль, не теоретическая выкладка. Это и не религиозное наставление, не догма, не церковью признанное положение. Здесь нечто более свободное и непосредственное: лично им воспринимаемая, живая реальность, призванная светить, радовать, потрясать воображение.*

С точки зрения художника – *это ответственность абсолютного служения*, подлинного созерцания глубин и тайн мира, из которого вырастает его собственный художественный мир.

Художество – это своего рода национальное пророчество; тут недостаточно таланта и профессиональных навыков. Необходимо главное: иметь – что сказать людям.

«Почему велик художник Суриков?», - спрашивает Ильин. Потому, что этот загадочный человек много сделал для утверждения *национальных идеалов красоты, создал вдохновенные поэмы о величии русского национального характера*, явил миру образцы незабываемой силы – сродни образцам Мусоргского и Достоевского своей истовой страстью, способностью к подвижническому служению и самопожертвованию.

Остановимся на своеобразии русского человека, которое воплотилось в его культуре, и рассмотрим такие черты, как *сердце и совесть, стремление к совершенству*.

Русский человек живет под знаком своего *сердца* даже тогда, когда «из сердца исходят злые помыслы», которые его «оскверняют». Во всяком случае, не обращаясь к его «чувствам-sensorium», его нельзя ни узнать, ни понять.

Никогда он не довольствуется строгим, сдержанным деловым общением. Он постоянно стремится самому себе или кому-нибудь раскрыть свою душу, он хочет интимности, доверия и теплых отношений, преодоления условностей, обмена мыслями о важнейшем в собственной жизни и в белом свете. Ему по сердцу, если это ему удастся без труда; если же нет, то он со своим гостем прибегает к помощи пинты алкоголя. Это означает также «доверительно поговорить по душам», «о душе по душе». Душа как средоточие важнейших вопросов сердца для русского общения имеет совершенно особое значение. Если хотят похвалить сердечно милого человека, о нем говорят: «душа-человек», о человеке открытом говорят: «душа нараспашку» и т. д. Умного человека в России почитают, перед волевым склоняются, фантазерам дивятся, но более всего любят человека сердечного, а если он к тому же и совестливый, то его почитают превыше всего как своего рода святого, или, в понимании русских, как сосуд Божий.

Если же речь идет не о повседневности, а о *культуре* – нравственности, искусстве, религии, правосудии, науке, то и здесь русский *начинает* с чувства и сердца, черпает из этого источника все лучшее, отвергая бесчувственное и бессердечное как нечто мертвое и ложное. Если же русский сделал или воспринял что-то по *совести*

доброе либо просто увидел (непосредственно в этом не участвуя), он даже не замечает порой, что сам тронут до глубины души и вытирает непрошенные слезы. Окажется ли человек в беде, будь то весеннее половодье, голод, эпидемия или война, во всех слоях общества пробуждается живое братство и готовность к пожертвованию.

Во время зимних метелей всю ночь звонят церковные колокола, а в крайних домах деревень всю ночь горит свет: усталый заблудившийся путник найдет ночлег даже в переполненной избе. Там, где разделяет обычай, по-братски объединяет природа; там, где разъединяет пространство, связывают сердце и молитва.

Русских врачей в университетах обучают *сострадать и служить страждущим*. Здесь существует старая, хорошо известная и тщательно сберегаемая медико-академическая традиция, согласно которой главным является не *ремесло* врача как таковое, а *жертвенность* врачебной профессии. Никогда русский врач не пошлет своему больному «счет»; если бы кто-то поступил так, народная молва осудила бы его за бестактность и жадность.

Русская молодежь всегда таит в сердце своем мечту о возможно-невозможном «совершенстве»: один грезит о «целомудренном» существе и держит это строго в тайне, другой готовится к самозабвенному служению, третий намеревается осчастливить все человечество.

Того, кто расчетлив и рассудочен, кто тщеславен и беспринципен в намерении сделать карьеру, презирают.

Русская добродетель – это добродетель *сердца и совести*. Здесь все основано не на моральной рефлексии, не на «проклятых долге и обязанности», не на принудительной дисциплине или страхе греховности, а, скорее, на свободной доброте и на несколько *мечтательном, порою сердечном созерцании*. *Сердечная доброта, сострадание, дух самопожертвования и определенное стремление к совершенству* играют здесь решающую роль.

«*Стремление к совершенству*», скажут нам, само по себе является наивным и ребяческим, часто в жизни беспомощным, обреченным на провал беспочвенным идеализмом, мечтательным сентиментализмом. Мир нуждается в трезвом служении ради достижимых целей, в строгой дисциплине, в организаторском искусстве, а не в мечтательном максимализме. Возможно. Но из русской души этот максимализм не вычеркнуть. И даже тогда, когда русский человек

пребывает в тяжких страданиях, погрязает в алкоголе или становится профессиональным бандитом, он едва ли забудет свою национально-христианскую *мечту о совершенстве*. Она проявляется во всем – от народных сказок и песен до романов, от народных верований до политических учений, от простого раскольника до владетельного князя. Достаточно взять прекрасную и простую «Сказку о правде и кривде», где ищущий правду делает выбор: «Будь что будет, я пойду дорогою правды» и принимает на себя впоследствии все превратности жизни. Или прочесть известное стихотворение Некрасова, где говорится о мироеде Власе, который, оправившись от нервной лихорадки вследствие кризиса совести, собирает милостыню. Глубокое и возвышенное в русском стремлении к совершенству отмечает проницательный наблюдатель русского народа великий художник Николай Лесков. Многие могли бы разъяснить и чуткий романтик наших дней Алексей Ремизов, и непревзойденный знаток мятущегося сердца Иван Шмелев.

В России эта воля к совершенству, к самозабвенному служению, к жертвенности, к тяготам жизни проявляется повсюду – то явно, то скрытно, то в действии, то в воздыханиях, то в виде доктрины, то в потрясающем сердце раскаянии.

Это стремление к совершенствованию мы находим уже в центральном образе русского поэтического эпоса – в популярном в народе богатыре Илье Муромце. Глубокий и принципиальный конфликт между христианским добром и суровой службой с мечом Ильи Муромец разрешает тем, что «преступает *букву* закона, чтобы служить *духу* закона». Его жизнь и его устремления определяет идея о том, что страдает его беззащитный народ, а сам он есть не что иное, как «орудие служения в свободном бескорыстном смысле этого слова». А чтобы верно нести эту службу, Илья овладевает всеми своими страстями, отказывается от имущества и брака, а его добродетель выручает его в самых тяжелых ситуациях. Короче, мы имеем здесь дело с «живым», «невыдуманным» и состоявшимся русским «народным идеалом».

Склонность к *созерцанию* – эту потребность конкретно, пластично и живо представлять предмет, тем самым придавая ему форму и индивидуализируя его, – русский получил от своей природы и от своего пространства.

Свободное созерцание русскому дано от природы. *Свободная сердечная греза* лежит в глубочайшей основе его искусства. *Живое конкретное созерцание* руководит его религиозной верой и политической волей. Вот почему абстрактное божество буддизма ничего не говорит русской душе. Вот почему самая последовательная дедуктивная теология как рационалистическая система представляется ему холодной и мертвой и отвергается им. Вот почему никакой внешний авторитет не может понять его веры и руководить ею. Его христианская вера, его своеобразный культ иконы, весь ритуал его православной церкви во многом проистекают из созерцающего сердца. Из того же источника родилась и потребность переживать свою государственность не абстрактно, а живой персонификацией (монархизм).

Русская душа в своей потребности созерцания ненасытна. В нем – зарождение ее искусства, в особенности живописи, скульптуры и архитектуры, но также и русского балета, и русского театра вообще. Русский стремится дать художественное и, насколько возможно, пластичное оформление духовному содержанию созерцаемого, пытаясь зримо представить сердце свое и свой темперамент. Вся русская живопись, которую до сих пор едва ли видела Европа и которая едва ли признана, своим главным источником имеет *символизирующее сердечное созерцание*. И русская поэзия, которую едва ли можно перевести на другие языки (разве что в гениальном сотворчестве), только тогда приходит к завершенности и созидательному покою, когда она вырывается из тисков обычного сердечного созерцания к высочайшей пластичности и выразительной силе.⁴

Литература

1. Ильин И.А. Основы христианской культуры. // Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М, Искусство, 1993, с. 294.
2. Ильин И.А. Основы христианской культуры, с. 307.
3. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. // Москва, 1996, №№1 –12.
4. Ильин И.А. Собр. соч. в 10 тт. Т 6, кн. 3. – М.: Русская книга, 1996, с. 399 – 406.